

ство из-за любви к нашей героине, из-за невыносимого страдания видеть «серые глазки» не его дочери. Вот почему страшный грех убийства избавляет его от мук ревности и душевной боли, оставляя его самой трагической фигурой данного произведения.

Мы снова возвращаемся к первому вопросу, на который не смогли ответить в самом начале анализа данного произведения: почему автор поёт славу безысходной боли? Только лишь потому, что смерть короля избавила всех от обмана и страшных мук ревности?

Здесь следует вернуться к дате написания этого произведения: 1910 год. Отмечаем, что любовь в стихах Ахматовой этой поры – это не только любовь-счастье, любовь-благополучие. В стихах этого периода очень часто звучит тема любви-страдания, любви-пытки, любви мучительной, большой. Образ такой «больной» любви у ранней Ахматовой был и образом больного предреволюционного времени 10-х годов и образом больного старого мира.

Наконец, задаём последний вопрос, который очень важен для понимания идейного содержания стихотворения:

- Почему герой-жертва именно король, а не, скажем, мельник, кузнец или дворянин?
- *Потому что король не властен над своей любовью, он не может жениться по любви.*
- А что было бы, если бы вместо короля был бы другой герой?
- *Это был бы обычный адюльтер. И нет трагедии. Нет великого произведения.*

Выводы. Подводя итоги, хочется отметить, что такая совокупная и гармоничная работа, позволяющая использовать различные приёмы интерпретации художественного текста и помогающая представить текст как единое целое, стимулирует живой интерес у учащихся к изучению русского языка, русской литературы, русской истории и культуры.

Источники и литература

1. Адамович Г. Одиночество и свобода. – М: Республика, 1996.
2. Ахматова А. Собр. соч.: В 2-х т. – М.: Правда, 1990.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1990.
4. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке? – СПб: Златоуст, 2001.
5. Кулибина Н.В. Читаем стихи русских поэтов серебряного века. Четыре урока русского языка. – М., 1994.

Гриценко И.П.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ

Существующие на сегодняшний день исследования этнонимической лексики обосновывают наличие взаимосвязи между коннотациями этнонимов и стереотипными воззрениями носителей языка в отношении этноса - референта. В этом контексте немалый интерес вызывает вопрос о том, какие именно факторы обуславливают возникновение определенных стереотипов. Традиционно выделяются две основные стадии самоидентификации человека в жизни. На первой стадии индивид отграничивает себя от общества других индивидов, вторая же предполагает отграничение себя как этнической общности от других этнических групп. Сам процесс «распознавания «своих» и выделения «чужих» основывается на коллективном бессознательном и в целом не осознается. «Свои», собственно, «люди как люди», т.е. носители тех человеческих качеств, благодаря которым отдельного человека можно безошибочно отнести к определенной общности. Все остальные являются «чужими», ведущими необычный и неизведанный образ жизни, который отличается от очевидного человеческого (собственного), а потому и не в полной мере воспринимается как человеческий» [1, с.38].

Деление на «мы» и «они» – это самое древнее восприятие, по сути представляющее собой архетипический стереотип, приобретающий конкретно-историческое содержание на определенном этапе развития этноса. «При этноцентричном способе конструирования действительности в основе отношения к другим лежит принцип превосходства» [2, с.67]. Представление о собственной этнической общности как эталоне рождается не сразу, ему предшествуют многовековые процессы. Этноцентризм часто трактуют как социально-психологическое образование, сущность которого заключается в преувеличении значимости собственного этноса в истории человечества и, соответственно, преуменьшении значимости вклада других этносов в мировую историю и культуру. При этом собственная этническая группа рассматривается в качестве центра всего мироздания, а все остальные анализируются и оцениваются в сопоставлении с ней [3, с.93].

Этноцентризм как феномен не существует сам по себе как чистая ментальность, он естественным образом порождает некий ряд ментальных форм, одной из которых является этнокультурный стереотип. Стереотипные представления имплицитно включены в номинативный корпус языка, при этом анализ базовых мотивов, выявляемых при исследовании коннотаций этнонимов позволяет проследить, какими качествами носители языка наделяют представителей номинируемого этноса в целях сохранения положительного «мы-образа». Проработанность языкового портрета «чужой» этнической общности зависит от ряда причин исторического, экономического, религиозного и политического характера, при этом соседствующим этносам уделяется особое внимание в силу высокой частоты контактов. Номинативный материал английского языка включает в себя широкий пласт этнонимической лексики, концентрирующейся вокруг этнонимов Irish, Scotch, Welsh, Dutch, French, German.

В настоящем исследовании предпринимается попытка произвести экспликацию и сравнительный

анализ особенностей языковых портретов представителей ирландского, уэльского и голландского этносов. Стереотипный образ ирландца содержит незначительную информацию об особенностях внешности (Он, как все ирландцы, черноглаз, а у его жены толстые ноги); несколько детальнее описывается внешний вид уэльсца: *Native Male from [Wales] is easy to identify, usually seen with tousled hair, a huge melon like skull, no neck, massive beer belly and wearing their national costume, a welsh rugby shirt.* (Истинного уэльсца легко узнать по взъерошенным волосам, крупной голове, по форме напоминающей дыню, “пивному” животу и национальному костюму – уэльской рубашке для регби)[5]; однако в языковом портрете голландца отсутствуют подобные характеристики.

Источником концептуальной информации выступает внутренняя форма этнонима Irish (ire-гнев, Ireland-страна гнева), этноним Dutch отличают фоносемантические особенности: «звукоизобразительная пейоративность вследствие наличия условно лабиального гласного [ʌ] усиливается за счет того, что соответствующий слог относится к периферийному для английского языка типа слогов» [4, с.242], а экспрессивность этнонима Welsh обусловлена скорее экстралингвистическими факторами, чем внутриязыковыми. Каждый из рассматриваемых этнонимов представлен в категории словообразовательных дериватов, носящих пейоративный характер: *Irisher, Irishism* [5], *Dutchman* [6], *Welsher, Weshie* [7]. В этнических кличках представителей указанных этносов реализуются различные модели номинации:

- ядром номинационной модели этнического прозвища выступает место обитания этноса-референта: *Irish - Bog Trotters* (ирландцы, жители болот, в особенности о крестьянах) [5], *Froglander* (житель страны лягушек, голландец) [8, p.430].
- в качестве номинативного признака выступают гастрономические предпочтения этноса: *Cheese-eaters* (поедатели сыра) – голландцы [8, p.219].
- номинация этноса производится в соответствии с особенностями речи представителей этнических общностей: распространенное в среде ирландцев имя Patrick трансформируется в экспрессивное прозвище Paddy [8, p.847], Michael преобразуется в этническую кличку Mick [8, p.735], специфика валлийского акцента объясняет появление в английском языке прозвища Taffy (от David) для уэльсцев [8, p.1194].

Что же касается мотивов, выводимых из коннотативных характеристик этнонимов, то здесь наблюдается как сходство, так и различия. В некоторых случаях идентичность мотивов распространяется также и на языковые единицы: этнонимы *Irish* и *Dutch* переводятся “гнев”, *to get one’s Irish/ Dutch up* (разозлиться) [8, p.600]. Обилие этнонимических семантических дериватов, обеспечивающих реализацию указанного мотива для этнонима *Irish*, и сравнительно небольшая сема с этнонимом *Dutch* объясняются факторами “вертикального контекста” и обусловлены соответственно более или менее длительным военным противостоянием: *be in a paddy* (быть в ярости) [5], *Irish = fighting spirit* (ирландский = воинственный дух) [5]; *Irish baseball* [5], *Irish confetti*, [5] *Irish bouquet* [5] (камни и обломки кирпичей, используемые в качестве оружия); *to be in Dutch with someone* (конфликтовать с кем-либо) [9].

Номинативный фонд английского языка свидетельствует об общности мотивов неумеренного употребления алкоголя представителями ирландского и голландского этноса: *Irish coffee* (ирландский кофе = горячий сладкий кофе с виски и сливками) [5]; *Paddy’s eyewater* (слеза Пэдди = виски, производимое в домашних условиях) [5]; *Irish Flu* (ирландский грипп = исключительно тяжелое похмелье) [5]; *Irish plague* (ирландская чума = алкоголизм) [11]; *Irish handcuffs* (ирландские наручники = человек со спиртными напитками в обеих руках) [5]; *Irish exit* (уйти по-ирландски = уйти с общественного мероприятия в состоянии сильного алкогольного опьянения) [5]; *Dutch lunch* (пиво, заменяющее обед) [5], *Dutch bargain* (торговая сделка, заключенная в состоянии алкогольного опьянения) [10]; *Dutch headache* (похмелье) [11]; *Dutch feast* (праздник, на котором хозяин утрачивает трезвость раньше гостей) [10]; *Dutch concert* [12] гул пьяных голосов, какофония.

Английский язык фиксирует такие общие для ирландского и голландского этносов черты характера как глупость, недостаточная сообразительность: *Irish smart* (умный как ирландец), *Paddy factor* (фактор Пэдди) [5], *Irish socket set* (набор инструментов для ремонта розеток) – кувалда [5], *Dutch auction* (голландский аукцион) [5-12] отличается тем, что стартовая цена является максимальной и постепенно снижается; *Dutch crossing* (переходить улицу по-голландски – по диагонали) [10]; *Dutch reckoning* (голландский финансовый отчет, без каких-либо деталей и несоответствующий реальности) [10].

Анализ коннотативного фона этнонимов *Irish u Wesh* позволяет выявить общую для них характеристику недостаточной цивилизованности и чистоплотности, реализуемым посредством следующих лексем: *Irish wash* (ирландская стирка = возможность вывернуть одежду на другую сторону и продолжать ее носить) [5]; *Irish bath/shower* (ирландский душ/ванна = чрезмерное использование дезодоранта вместо ванны) [5]; *welsh comb* (пальцы, используемые в качестве расчески для волос) [5].

Однако существуют стереотипные представления, характеризующие исключительно голландский этнос, например мотив скупости: *to go Dutch* (угощение или развлечения, при которых каждый платит за себя) [5-12], *Dutch treat, Dutch supper/luncheon/lunch/dinner/picnic/date* (угощение при котором каждый платит за себя) [11], *Dutch rider* (человек, который не пользуется собственным автомобилем, предпочитая ездить автостопом) [5]. К социальным характеристикам языкового портрета уэльсцев следует отнести такие черты характера, как хитрость и стремление обмануть: *to welsh(on)* (обмануть кого-либо, не выполнить своих обещаний); *(like a, turn a) welshman’s hose* (извлекать личную выгоду из ситуации); *welsh ejectment* (выселение по-уэльски, когда владелец дома разбирает крышу, вынуждая постояльцев покинуть жилище) [10].

Сходной чертой для всех исследуемых этнонимов следует считать мотив непонятности, поддельности, ложности: *Irish baby buggy* (ирландская детская коляска = тачка) [13]; *Irish banjo* (ирландское банджо – сов-

ковая лопата) [13], *Irish caviar* (ирландская икра – тушеное мясо) [13]; *Irish turkey* (ирландская индейка – солонина с капустой) [13], *Dutch metal* (голландское золото – сплав меди с цинком) [12], *Dutch carpet* (голландский ковер – половик из грубой полушерстяной ткани)[7], *Dutch nightingale* (голландский соловей)[10] – жаба, *Double Dutch* [12] – тарабарщина, непонятный язык или речь, *welsh ambassador* (уэльский посол – кукушка) [9], *welsh diamond*(уэльский бриллиант – горный хрусталь) [9], *welsh rabbit/rarebit* (уэльский кролик(блюдо) – гренки с расплавленным сыром) [10], *welsh* (непонятный, иностранный) [12].

Следует отметить общность таких характеристик как непонятность, ложность и ущербность, представленных значительным количеством языковых единиц, запечатлевающих стереотипный образ ирландца, уэльсца и голландца, что лишь подтверждает основные положения об особенностях языкового портрета «чужака». Однако языковое видение ирландца и уэльсца имплицитно включает в себя информацию о типичной внешности и особенностях речи представителей указанных этносов, что объясняется частотой их взаимодействия с носителями языка. В то же время стереотипные представления о голландцах носят более мифологичный характер, проявляясь в мотивах агрессивности, пьянства и глупости. Поразительное сходство определенного пласта номинативных единиц, реализующих мотив агрессии ирландского и голландского этносов, является следствием ожесточенных военных противостояний, а непропорциональность экстенсивной характеристики обусловлена их длительностью. В целом, сопоставительный анализ языковых портретов данных этносов в рамках языковой картины англичан дает возможность сравнения стереотипных представлений, а также их зависимости от экстралингвистических причин.

Источники и литература

1. Багдасарова А. Этническое самосознание: сущность, структура, особенности формирования. Материалы научной конференции «Этнические процессы накануне XXI века». – Ставрополь: СГУ, 1998. – С.36-39.
2. Sumner W. Folkways. цит. по Le Vine R.,Campbell D. Ethnocentrism: theories of conflict, ethnic attitudes, and group behavior. N.Y., 1972.
3. Авксентьев А., Авксентьев В. Краткий этносоциологический словарь-справочник. – Ставрополь: СГПИ, 1994. – 100с.
4. Березович Е.Л., Гулик Д.П. Ономазиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации//Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С.232–253.
5. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich4.htm>
6. Urban Dictionary: Street Slang Defined by Aaron Peckham. N.Y.,2004
7. Roback A.A. A Dictionary of international slurs (ethnophaulisms) / With a supplementary essay on aspects of ethnic prejudice. – 2 nd edition, reprint. Waukesha (Wisconsin): Maledicta Press, 1979.
8. Multitran Automatic Dictionary <http://www.multitran.ru>
9. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English: Colloquialisms, Catch-phrases, Solecisms and Catachreses, Nicknames and Vulgarisms. N.Y., 1983
10. The American Heritage Dictionary of the English Language. – 4th edition, New York, 2000. – 8652 стр.
11. Rawson's dictionary of wicked words. – New York: Crown Publishing, 1989
12. Encyclopedia of Word and Phrase Origins by Robert Hendrickson (Fact on File), New York, 1997
13. Morris Dictionary of Word and Phrase Origins. 2nd edition: Harper and Row, 1988.
14. Англо-русский словарь американского сленга.–М.:Инфосерв,1994.–544с.

Резник О.В.

«БЫЛО МНОЖЕСТВО НЕВЕРОЯТНОГО В ИСКУССТВЕННОМ СОЕДИНЕНИИ РАЗНЫХ ЛЮДЕЙ, СТРЕЛЯВШИХ ИЗ ПУШЕК И ПУЛЕМЕТОВ...»

(Украина и Крым в творчестве Гайто Газданова)

Крымская земля, Севастополь для каждого русского человека прежде всего связаны с тремя знаковыми моментами – крещение Владимира в Херсонесе, первая и вторая героические обороны города. Но есть еще один эпизод, который становится все актуальнее – исход русской армии, русской элиты начала 20 века через Севастополь, через Крым в 1920 году. Крым и гражданская война – вот какой показательный и одновременно спорный объект изображения выбирает известный писатель-эмигрант Гайто(Георгий) Газданов (1903- 1971) в своем самом известном романе «Вечер у Клэр». Отец писателя работал лесником в Украине, однако умер в 1911 году, когда мальчику было восемь лет. Проведя год в кадетском корпусе и не закончив учебу в гимназии, Газданов летом 1919 года в пятнадцать с половиной лет уехал на Кавказ воевать. Именно этот эпизод – служба на «белом» бронепоезде, эмиграция в ноябре 1920 года вместе с армией Врангеля из Севастополя в Константинополь – нашли отражение в упомянутом произведении, что позволяет рассматривать страницы романа как автобиографические, дневниковые, тем более герой Николай Соседов даже обозначен исследователем В.В.Агеносовым как «автор-герой» [1, с. 309]. Георгий Адамович, одним из первых обративший внимание на Г.Газданова в русской эмигрантской критике, писал: «Главное у него не люди, а то, что их связывает, то, чем заполнена пустота отдельными фигурами – бытие, стихия, жизнь, не знаю, как это назвать» [2, с. 564] Нам думается, что это можно обозначить как «среда обитания», философия жизни и истории. Поэтому цель данной статьи - определение типа художественного сознания в изображении оставленной родины в автобиографической прозе Газданова.